

**Alexander Schmorell
und sein Weg vom
Widerstandskämpfer zum Heiligen**

**Александр Шморель
и его путь от участника
Сопротивления – к Святому**

MIR-Kalender 2018

MIR-KALENDER 2018

«В соответствии с моим мышлением и мироощущением я больше русский, чем немец».

Александр Шморель на допросе в гестапо, 26 февраля 1943 г.

„Vorweg will ich wieder unterstreichen, dass ich meinem Denken und Fühlen nach mehr Russe als Deutscher bin.“

Alexander Schmorell beim Verhör durch die Gestapo, 26.02.1943

К 100-летию со дня рождения **Александра Шмореля** (1917-1943) - одного из основателей мюнхенской студенческой антинацистской организации «Белая роза» / Zum 100. Geburtstag von Alexander Schmorell (1917-1943), einem Mitbegründer der Münchener antinazistischen Studentenorganisation **Weißer Rose**.

Издатель / Herausgeber: MIR e.V., Zentrum russischer Kultur in München

Идея и концепция / Idee und Konzept: Tatjana Lukina

В работе над календарем принимали участие / Mitarbeit: Raymond Zoller, Igor Chramow, Tatyana Troynikowa, Elena Weich, Raisa Kononova, Brit-Antje Wittwer, Shenja Vetlova-Jahn, Lidia Vishnevskaja, Natalja Serbina и.а.; Ответственный по вопросам печати / Verantwortlich für den Inhalt im Sinne des Presserechts: Roland Schulz; Графика / Layout: Klaus Eckardt

Финансовую поддержку оказали / Unterstützt im Rahmen des Projekts „Alexander Schmorell – ein Mittler zwischen Deutschen und Russen“ von: Bayerisches Staatsministerium für Bildung und Kultus, Wissenschaft und Kunst, Honorarkonsul der Russischen Föderation in Nürnberg Nikolaus Knauf

Список использованной литературы / Literaturverzeichnis: Календарь создан на основании архивов семьи Шморель, исследовательских работ Игоря Храмова, автора книг «Русская душа Белой розы» и «Александр Шморель. Протоколы допросов в гестапо» и статьи Тамары Урьяновой-Илюшиной «Мюнхен-Москва-Оренбург и обратно» из книги «Русский Мюнхен», Из-во MIR e.V.

Bei der Erstellung des Kalenders wurden die Archive der Familie Schmorell, die Bücher des Historikers und Übersetzers Igor Chramow „Die russische Seele der Weißen Rose“ und „Alexander Schmorell. Gestapo-Verhörprotokolle“, sowie der Artikel von Tamara Urjanowa-Iljuschina „München-Moskau-Orenburg und zurück“ aus dem Buch „Das russische München“ - Hrsg. MIR e.V. - , genutzt.

Фотографии Александра Шмореля предоставлены его братом, д-ром Эрихом Гуговичем Шморелем лично Татьяне Лукиной, президенту Центра русской культуры в Мюнхене – МИР.

Die Fotos von Alexander Schmorell wurden von seinem Bruder, Dr. Erich Schmorell, Frau Tatjana Lukina, Präsidentin von MIR e.V., Zentrum russischer Kultur in München, persönlich zur Verfügung gestellt.

Фотография на обложке: Александр Шморель на лекции, 1941 / Titelbild: Alexander Schmorell während der Vorlesung, 1941 (Источник / Quelle: Stiftung Weiße Rose)

ISBN: 978-3-9812112-5-2

München / Мюнхен 2017

Однажды, накануне православного Рождества, в расположенную в центре Мюнхена Зайдль-виллу, на приемные часы Общества «МИР» заглянул многолетний друг и член нашего общества, доктор медицины Эрих Гугович Шморель (1921–2005).

Несколько лет до этого, в своем заявлении о вступлении в «МИР», он написал: «Я совершенно уверен, что мой брат Александр Шморель от души поддержал бы идею госпожи Лукиной – построение моста между русской и немецкой культурой. Он и сам – сын русской матери – чувствовал себя «посредником между немцами и русскими».

Это было для меня большим комплиментом, ведь речь шла о члене легендарной группы Сопротивления немецкому нацизму «Белая роза».

Фото: Д-р Эрих Шморель и Татьяна Лукина, 2003, Зайдль-вилла, Мюнхен
Foto: Dr. Erich Schmorell und Tatjana Lukina, 2003, Seidlvilla, München

Еines Tages, am Vorabend des orthodoxen Weihnachtsfestes, kam ein langjähriger Freund und Mitglied unseres Vereins, Dr. Erich Hugowitsch Schmorell (1921 - 2005), in unsere Sprechstunde in die Münchner Seidlvilla.

Einige Jahre zuvor schrieb er in seiner Erklärung zum Beitritt zum MIR-Verein: „Ich bin mir absolut sicher, dass mein Bruder Alexander Schmorell die Idee von Frau Lukina voll und ganz unterstützen würde - eine Brücke zwischen der russischen und der deutschen Kultur zu schlagen. Er selbst - als Sohn einer russischen Mutter - fühlte sich als Mittler zwischen Deutschen und Russen.“

Das war für mich ein großes Kompliment, denn es ging um ein Mitglied der legendären Widerstandsgruppe Münchner Studenten gegen den deutschen Nationalsozialismus „Weiße Rose“.

Надо ли говорить с каким уважением и сердечным теплом я относилась к этому скромному, доброму, высочайшей культуры человеку – брату героя. И поэтому каждый его приход был для меня, как и для большинства МИРовцев, чем-то особенным.

В тот знаменательный день он торжественно вручил мне маленькую коробочку со словами: «Мы решили с женой, что это должно принадлежать Вам».

Та значительность, с какой д-р Шморель произнес эти слова, показывала мне, что в этой коробочке должно находиться что-то очень важное и дорогое для семьи Шморелей. И действительно, это было так называемое «шаривари», старинное баварское украшение, состоявшее из серебряных монет середины 19 века – российских монет!

Такое украшение носят преимущественно мужчины, как статус-символ, дополняющий их национальный костюм. Этой драгоценной для семьи Шморелей вещи было более 150 лет, она передавалась от отца к старшему сыну. Эрих и Герта Шморель посчитали, наверное, что хотя это украшение и баварское, но все-таки оно имеет русские корни. И если оно принадлежало Александру, у которого не было своего потомства, то его следует передать мне, как продолжательнице его дела – быть «посредником между немцами и русскими».

Großen Respekt und viel Wärme empfand ich gegenüber diesem bescheidenen, freundlichen, auch in Fragen der russischen Kultur hochgebildeten Menschen – Dr. Erich Schmorell, Bruder von Alexander Schmorell. Und jeder Besuch von ihm war für mich, wie für die meisten MIR-Mitglieder, etwas Besonderes.

An diesem denkwürdigen Tag überreichte er mir feierlich eine kleine Schachtel und sprach: „Meine Frau und ich haben uns entschieden, dass dies Ihnen gehören soll.“

Die Bedeutung, mit der Dr. Schmorell diese Worte aussprach, zeigte mir, dass der Inhalt dieser Schachtel für die Familie Schmorell von ganz besonderem Werte sein musste.

Es war ein sogenanntes „Charivari“, ein alter bayerischer Schmuck, der aus Silbermünzen aus der Mitte des 19. Jahrhunderts – und zwar: russischen Münzen! – bestand.

Ein solches „Charivari“ wird vor allem von Männern getragen, als Statussymbol, ergänzend zu ihrem Nationalkostüm. Diese kostbare Sache war mehr als 150 Jahre alt, und es sollte vom Vater an den ältesten Sohn übergeben werden. Dr. Erich Schmorell und seine Ehefrau Herta fanden wohl, dass dieser Schmuck zwar bayerisch ist, aber doch russische Wurzeln hat; und weil Alexander, dem es als dem ältesten Sohn der Familie gehören sollte, keine eigenen Nachkommen hinterlassen hatte, wäre es richtig, dass ich es bekomme: als seine Nachfolgerin als „Mittlerin zwischen Deutschen und Russen“.

Arthur Galiandin liest Briefe von Alexander Schmorell bei einer MIR-Veranstaltung, 2007
Im Hintergrund: Orenburger Chor

Schmorells Charivari

Igor Chramow mit Erich, Natascha (Lange) und Markus Schmorell bei MIR (2003)

Gasteig, 5.2.2012

Икона Св. Мученика Александра Мюнхенского (Шмореля)
Ikone des Hl. Märtyrers Alexander von München (Schmorell)

«Господь направляет ход вещей на свое усмотрение, но на наше благо. Потому мы должны довериться ему и отдать себя в его руки, и тогда он никогда не оставит нас, поможет нам и утешит нас». Из письма Александра Шмореля родителям 5 июня 1943

„Gott lenkt alle Dinge so, wie er will, und wie es zu unserem Besten ist, wir müssen uns immer nur voller Vertrauen in seine Arme geben – er wird uns dann niemals verlassen, immer helfen und trösten.“ Alexander Schmorell an die Eltern. München, 5. Juni 1943

Januar Январь

Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	

В начале июля 2005 года д-р Шморель в последний раз посетил наши «приемные часы» в Зайдль-вилле. Он извинился, что так долго не давал о себе знать. Болел. Теперь ему немного лучше. 13 июля, в день годовщины казни Александра, он обещал за мной заехать, чтобы вместе посетить могилу его брата на кладбище «Перлахер форст». Он не заехал. Не позвонил. Спустя неделю я получила извещение от его супруги Герты Шморель, что д-р Эрих Шморель скончался 15 июля. Еще через некоторое время пришло приглашение на торжественную панихиду, проходившую в одном из католических соборов Мюнхена. В приглашении было написано, что семья Шморелей просит не приносить цветов на панихиду, а внести пожертвование в фонд общества «МИР», членом которого был усопший.

Подаренное мне д-ром Шморелем шаривари я хранила у себя до 5 февраля 2012 года, то есть до того дня, когда его брата, героя Сопротивления Александра Шмореля, прославила русская православная церковь. После торжественного мероприятия, устроенного нашим Обществом по этому случаю в мюнхенском культурном центре «Гастайг», на котором присутствовали представители общественности и Церкви, среди них архиепископ Берлинский и Германский Марк, а также друг Александра Шмореля – Николай Гамасаспян, я передала эту реликвию протоиерею Николаю Артемову, ключарю мюнхенского кафедрального собора Святых Новомучеников и Исповедников Российских и Святителя Николая. Думаю, что д-р Шморель согласился бы со мной, что теперь, когда его брат причислен к лику святых, все, что с ним связано, должно принадлежать не какому-то избранному лицу, а нести благодать всем верующим.

Татьяна Лукина, президент Общества «МИР»

А nfang Juli 2005 besuchte Dr. Schmorell unsere Sprechstunde in der Seidlvilla zum letzten Mal. Er entschuldigte sich, dass er sich so lange nicht gemeldet hatte. Es ging ihm nicht gut, aber jetzt ging es ihm besser. Er versprach mir, am 13. Juli, dem Jahrestag der Hinrichtung von Alexander, mich abzuholen, um gemeinsam das Grab seines Bruders auf dem Friedhof „Perlacher Forst“ zu besuchen.

Er kam nicht. Er rief nicht an. Eine Woche später erhielt ich eine Mitteilung von seiner Frau Herta Schmorell, dass Dr. Erich Schmorell am 15. Juli verstorben war. Einige Zeit später erhielt ich eine Einladung zu einer feierlichen Gedenkveranstaltung in einer katholischen Kathedrale in München. In der Einladung stand, dass die Familie Schmorell sich statt Blumen eine Spende für den Verein „MIR“ wünscht, dessen Mitglied der Verstorbene gewesen war.

Das Charivari, das mir Dr. Schmorell geschenkt hatte, bewahrte ich bei mir bis zum 5. Februar 2012, dem Tag, an dem sein Bruder Aleksander Schmorell von der Russisch-Orthodoxen Kirche im Ausland verherrlicht wurde. Nach der feierlichen Veranstaltung, die unser Verein im Münchner Kulturzentrum „Gasteig“ anlässlich dieses Ereignisses organisiert hatte und an der Vertreter der Kirche - darunter S. E. Mark, Erzbischof von Berlin und Deutschland, die Öffentlichkeit und ein Freund Alexanders, Nikolai Hamazaspian - teilgenommen hatten, übergab ich diese Reliquie dem Erzpriester der Münchner russisch-orthodoxen Kathedrale der Hll. Neumärtyrer und Bekenner Russlands und des Hl. Nikolaus, Nikolai Artemoff. Ich denke, dass Dr. Schmorell mir darin zugestimmt hätte, dass nach der Heiligsprechung seines Bruders alles, was mit ihm verbunden ist, nicht einer einzigen gewählten Person gehören sollte, sondern allen Gläubigen.

Tatjana Lukina, Präsidentin von „MIR e.V.“

Erzbischof Mark

Prozession zu Alexander Schmorells Grab

Erzpriester Nikolai Artemoff

Nikolai Hamazaspian

Оренбург – родина Александра Шмореля – в начале XX века
 Orenburg – die Heimatstadt von Alexander Schmorell – am Anfang des 20. Jahrhunderts

Город Оренбург, расположенный на реке Урал в 1230 км к юго-востоку от Москвы, был основан в 1743 году как форпост России на границе между Европой и Азией.

Die Stadt Orenburg, die 1230 km südöstlich von Moskau am Fluss Ural liegt, wurde 1743 als Außenposten Russlands an der Grenze zwischen Europa und Asien gegründet.

Februar Февраль

Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi				
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28				

16 сентября 2017 г. – 100 лет со дня рождения одного из основателей мюнхенского студенческого антигитлеровского Сопротивления «Белая роза» Александра Шмореля. Для современного немецкого общества «Белая роза» стала легендарной, но не все знают, что один из двух ее организаторов, Александр Шморель, был отчасти и по крови, а особенно по душе своей – русским. Но и большинство русских, особенно в России, очень мало знают об Александре Шмореле. А ведь он не только создал вместе с Хансом Шолем эту подпольную группу, не только дал ей такое романтическое имя «Белая роза» – символ чистоты и любви, но и привил своим друзьям чувство любви и уважения к России и ее культуре. Поэтому мы, мюнхенское Общество «МИР», считаем своим долгом в год 100-летия со дня рождения Александра Шмореля (Св. муч. Александра Мюнхенского) рассказать трагическую историю мюнхенской «Белой розы», и ее «русской души».

Александр Шморель родился в Оренбурге, в семье врача, 16 сентября 1917 года. Его отец, Гуго Шморель, был немцем (его предки приехали в Россию в середине XIX века из Восточной Пруссии), мать – русская. Когда Шурику – так звали его в семье – исполнилось два года, его мама, Наталья Петровна Введенская, умерла от тифа, и воспитание мальчика было поручено няне Феодосии Константиновне Лапшиной, которая, по семейному преданию, была потомком Стеньки Разина.

Am 16. September 2017 jährt sich zum hundertsten Mal der Geburtstag von Alexander Schmorell, einem der Gründer der Münchner studentischen Widerstandsgruppe gegen die Diktatur des Nationalsozialismus Weiße Rose.

Für die heutige deutsche Gesellschaft ist die Weiße Rose ein wichtiges Detail ihrer Geschichte; aber nicht jeder weiß, dass einer der Organisatoren dieser Weißen Rose, Alexander Schmorell, nicht nur zur Hälfte Russe war, sondern auch seelisch sich Russland zugehörig fühlte. Doch nicht nur die Deutschen, auch die meisten Russen wissen, wenn überhaupt, nur sehr wenig über Alexander Schmorell.

Nicht nur war er zusammen mit Hans Scholl der Gründer dieser Organisation, sondern er gab ihr zudem noch diesen romantischen Namen „Weiße Rose“ – als Symbol der Reinheit und der Liebe. Mehr noch: Er brachte seinen Freunden Respekt und Zuneigung für Russland und seine Kultur bei. Deswegen haben wir uns entschlossen, anlässlich des 100. Geburtstags von Alexander Schmorell (Hl. Märtyrer Alexander von München), in diesem Kalender die tragische Geschichte der Weißen Rose und ihrer „russischen Seele“ zu erzählen.

Alexander Schmorell wurde am 16. September 1917 in Orenburg in der Familie eines Arztes geboren. Sein Vater, Hugo Schmorell, war Deutscher (seine Vorfahren kamen in der Mitte des 19. Jahrhunderts aus Ostpreußen nach Russland); seine Mutter, Natalia Wwedenskaya, die als Krankenschwester tätig war, war Russin. Als Schurik – so nannte man Alexander zuhause – zwei Jahre alt war, starb seine Mutter an Typhus, und der Junge wurde in die Obhut seiner Njanja (Kindermädchen) gegeben – Feodosia Konstantinovna Lapschina, die laut Überlieferung Nachkomme des Kosaken-Atamans Stenka Rasin war.

Отец Александра – Гуго Шморель
Der Vater – Dr. Hugo Schmorell

Запись о рождении Александра
Geburtsnotiz von Alexander

Мать Александра – Наталья Введенская
Die Mutter – Natalja Wwedenskaya

Фото: Шурик (Александр) Шморель
Foto: Schurik (Alexander) Schmorell

«Никакая страна не сможет мне заменить Россию, будь она столь же красива! Никакой человек не будет мне милее русского человека!»
Из письма Александра Шмореля Ангелике Пробст. 28 августа 1937 г.

„Kein Land wird mir Russland ersetzen, und sei es noch so schön, kein Mensch wird mir lieber sein als der Russe.“
Aus dem Brief von Alexander Schmorell an Angelika Probst. 28. August 1937

März Март

Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	

После смерти жены отец Шурика женился во второй раз. Его избранницей стала оренбурженка немка Елизавета Гофман, работавшая старшей сестрой милосердия в лазарете, где он служил. Когда Елизавете оставалось всего несколько недель до родов, молодая семья с большими трудностями и приключениями – в России шла гражданская война – в мае 1921 года перебралась в Германию, в Мюнхен, где жили родственники Елизаветы. Четырехлетнего Александра молодожены забрали с собой вместе с русской няней, которой пришлось подделать документы и выдать ее – ни слова не говорившую по-немецки – за немку. Через несколько дней по приезде в Мюнхен, у Александра родился брат Эрих (1921–2005), потом сестра Наташа (1925–2016). Они оба стали членами общества «МИР».

И хотя в семье Шморелей русскими были только няня и Шурик, да и то Шурик только наполовину, в доме царил русский дух: на обед подавали пельмени и блинчики, чай пили из самовара, с сахаром вприкуску и лакомились десятками сортов варенья, заготовленного заботливой няней. Несмотря на то, что отец был протестантом, мачеха – католичкой, Шурика воспитывали в православии. А няня растила своего любимца «Шуреночка», а также его брата Эриха и сестру Наташу на русских сказках и балладах и убаюкивала под русские народные песни.

После занятий в одной из частных школ Александр в 13 лет поступает в гимназию, где знакомится с Кристофом Пробстом, ставшим его ближайшим другом.

Начем же после смерти своей жены Шурик Vater ein zweites Mal. Seine Auserwählte war eine in Orenburg geborene Deutsche, Elisabeth Hoffmann, die als leitende Krankenschwester in dem Lazarett arbeitete, wo er Arzt war. In den Wirren des russischen Bürgerkriegs, Wochen vor der Geburt eines Kindes, reiste die junge Familie unter großen Schwierigkeiten und mit vielen Abenteuern nach Deutschland und erreichte im Mai 1921 München, wo Verwandte von Elisabeth lebten. Auch der vierjährige Alexander war dabei, zusammen mit seiner russischen Amme, der man gefälschte Papiere verschaffen musste und die man – ohne dass sie ein Wort Deutsch konnte – als Deutsche ausgab. Ein paar Tage nach der Ankunft in München wurde Alexanders Bruder Erich (1921–2005) geboren, später kam noch seine Schwester Natascha (1925–2016) zur Welt. Beide wurden später Mitglieder unseres deutsch-russischen Vereins „MIR“.

Und obwohl in der Familie Schmorell nur die Amme und Schurik Russen waren – und auch Schurik nur zur Hälfte – herrschte im Hause russischer Geist: Zum Mittagessen gab es Pelmeni und Blintchiki; Tee wurde nur aus dem Samowar getrunken, und es gab unzählige Sorten von eingelegten Beeren, die alle von der treusorgenden Amme zubereitet wurden. Obwohl der Vater Protestant war und die Stiefmutter Katholikin, wurde Schurik im russisch-orthodoxen Glauben erzogen. Und die Amme, die ihren Liebling „Schurotschka“ zusammen mit seinem Bruder Erich und seiner Schwester Natascha aufzog, verwöhnte ihre Zöglinge mit russischen Märchen und Balladen und sang sie mit russischen Liedern in den Schlaf.

Mit 13 Jahren, nach dem Unterricht in einer Privatschule, wechselte Alexander aufs Gymnasium, wo er Christoph Probst kennenlernte. Die beiden wurden Freunde.

Фото / Foto: Эрих, Шурик, Наташа Шморель / Erich, Schurik, Natascha Schmorell

Фото: Эрих, Наташа, Шурик (Александр) с няней Феодосией Лапшиной. Мюнхен, 1927
 Foto: Erich, Natascha, Schurik (Alexander) mit der Kinderfrau Feodosija Lapschina. München, 1927

Няня, Феодосия Лапшина, полуграмотная русская женщина, была проводником между будущим героем немецкого Сопротивления и его первой родиной – Россией.

Njanjas Erzählungen aus der fernen Heimat, die Lieder und Märchen erweckten bei Alexander von Kindheit an eine leidenschaftliche Liebe zu Russland.

April Апрель

So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo		
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30		

Фото слева: Семья Шморелей и семья Пастернаков на озере Тегернзее. Первый слева Александр, мальчик в матроске - Евгений, сын Бориса Пастернака.

Foto links: die Familien Schmorell und Pasternak am Tegernsee. Links: Alexander. Der Junge im Matrosenhemd: Jewgenij Pasternak, Sohn von Boris Pasternak.

В кругу общения Шморелей преобладали люди культуры и искусства, медики и священнослужители. Одним из ближайших друзей Гуго Шмореля был отец Бориса Пастернака, художник Леонид Пастернак, подаривший отцу Александра Гуго Шморелю карандашный портрет Бетховена (фото справа). Музыка и живопись всегда играли большую роль в семье Шморелей, и не случайно из Александра получился прекрасный пианист и многообещающий скульптор.

Сохранился выполненный Александром по рисунку Леонида Пастернака бюст Бетховена (фото в центре), который он сделал, посещая частные художественные курсы.

В 1937 году Александр получает аттестат зрелости, и, чтобы избежать призыва в армию, записывается добровольцем отбывать трудовую повинность. Но в ноябре 1937 года его все же призывают в армию, в батальон конной артиллерии.

В марте 1938 г. он попадает в Австрию и становится свидетелем ее «воссоединения» с Германией. Еще через полгода он становится свидетелем присоединения Судетов и жестоких расправ над протестующим чешским населением. Последние шесть месяцев службы он посещает школу санитаров и весной 1939 года увольняется в запас.

Зум Freundeskreis der Familie Schmorell gehörten hauptsächlich Leute, die im Kulturleben und in der Kunst tätig waren. Einer der engsten Freunde war der Künstler Leonid Pasternak, der Vater von Boris Pasternak, der Hugo Schmorell ein Bleistiftportrait von Beethoven schenkte (Foto rechts).

Musik und Malerei spielten von jeher eine große Rolle in der Familie Schmorell; Alexander selbst spielte hervorragend Klavier und versprach eine gute Entwicklung als Bildhauer.

Eine auf Grundlage der Zeichnung von Leonid Pasternak geformte Beethoven-Portraitplastik (Foto im Zentrum), welche Alexander als Teilnehmer an privatem Kunstunterricht geformt hatte, blieb erhalten.

1937 bekam Alexander sein Reifezeugnis. Um dem Militärdienst zu entgehen, meldete er sich als Freiwilliger in den Arbeitsdienst. Doch im November 1937 wurde er trotzdem eingezogen und musste in der berittenen Artillerie Dienst tun.

Im März 1938 verschlug es ihn nach Österreich, wo er Zeuge des „Anschlusses“ an Deutschland wurde. Und ein halbes Jahr später wurde er Zeuge der Angliederung des Sudetenlandes und der grausamen Metzeleien an der protestierenden tschechischen Bevölkerung. Während der letzten 6 Monate seiner Militärdienstzeit besuchte er eine Schule für Sanitäter, und im Frühjahr wurde er in die Reserve abgestellt.

Фото: Александр, Эрих, тетя Тоня (Гофманн), Елизавета, Наташа. Мюнхен, 1930
 Foto: Alexander, Erich, Tante Tonja (Hoffmann), Elisabeth, Natascha. München, 1930

Домашний язык семьи Шморелей был русский. У детей были воспитатели, которые им преподавали русский язык и литературу. «Война и мир» Л.Н. Толстого и «Евгений Онегин» А.С. Пушкина были их настольными книгами.

Zu Hause wurde bei den Schmorells Russisch gesprochen; für die Kinder waren Erzieher da, welche sie in russischer Sprache und russischer Literatur unterrichteten. Werke wie „Krieg und Frieden“ von Lew Tolstoi und „Jewgenij Onegin“ von Alexander Puschkin gehörten zu ihrer Alltagslektüre.

Mai Май

Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	

Возвратившись в Мюнхен, Шморель поступает на медицинский факультет университета. Но уже со второго курса его снова призывают в армию. В составе санитарной роты он попадает во Францию, а через несколько месяцев получает увольнение для продолжения медицинского образования. В это время он сближается с Гансом Шолем, также студентом-медиком.

Пасху 1941 года Александр проводит в кругу своей семьи. Он часто посещает русскую церковь, встречается с соотечественниками – беженцами Гражданской войны, много читает.

Любимым писателем Александра был Федор Достоевский, роман которого «Братья Карамазовы» он перечитывал множество раз. Охваченные любовью Алекса ко всему русскому, друзья Кристоф Пробст и его сестра Ангелика, с которой Шмореля связывает тесная дружба, начинают учить русский язык.

Нападение Германии на Советский Союз Александр глубоко переживал, и хотя он с детства был противником большевизма, мысль, что его Родину топчут «безжалостные сапоги безмозглых солдафонов» причиняла ему боль, которую разделяли его друзья.

Зимой 1942 года Ганс Шоль знакомит Александра с архитектором Манфредом Эйкемейером, который рассказывает им о еврейских гетто, о систематическом истреблении евреев. Друзья все больше приходят к выводу, что страной правят «психопаты», которые приведут ее, а может быть и весь мир, к неминуемой гибели. Тогда-то у них и зарождается идея создать организацию по борьбе с существующим режимом. Их цель – довести до сознания населения преступления Третьего Рейха против человечества.

Вieder in München, beginnt Schmorell an der Universität ein Medizinstudium. Doch schon im zweiten Semester wird er in die Armee einberufen. Mit einer Sanitätskompanie zieht er nach Frankreich, und nach ein paar Monaten wird er wieder freigestellt zur Fortsetzung seines Medizinstudiums. Während des Studiums freundet er sich mit Hans Scholl an, der gleichfalls Medizin studiert.

Ostern des Jahres 1941 verbringt Alexander im Kreise seiner Familie. Immer wieder besucht er die russische Kirche und trifft sich mit aus Russland geflüchteten Landsleuten. Er verbringt auch viel Zeit mit Lesen.

Alexanders Lieblingsschriftsteller ist Fjodor Dostojewski, dessen Roman „Die Brüder Karamasow“ er immer wieder liest. Alex – wie seine Freunde ihn nennen – ist verliebt in alles Russische; und angesteckt durch diese Liebe beginnen auch Christoph Probst und dessen Schwester Angelika – mit der Alexander eine tiefe Freundschaft verbindet – Russisch zu lernen.

Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion macht ihm schwer zu schaffen; und obwohl er von Kindheit an ein Gegner des Bolschewismus war, bereitet ihm der Gedanke, dass seine Heimat von „gnadenlosen Stiefeln hirnloser Soldaten“ zertrampelt wird, tiefen Schmerz, den seine Freunde teilten.

Im Winter 1942 macht Hans Scholl Alexander mit dem Architekten Manfred Eickemeyer bekannt, welcher ihm von den Judenghettos und der systematischen Vernichtung der Juden erzählt. Immer stärker werden die Freunde von der Überzeugung durchdrungen, dass das Land von Psychopathen regiert wird, welche Deutschland und vielleicht sogar die ganze Welt in den Untergang führen. Und der Gedanke kommt auf, eine Organisation zu schaffen für den Kampf mit diesem Regime; genauer: mit dem Ziel, der Bevölkerung die Verbrechen des Dritten Reiches gegen die Menschlichkeit zu Bewusstsein zu bringen.

Фото: Дом семьи Шморелей в Мюнхене / Foto: Das Haus der Familie Schmorell in München

Фото: Александр Шморель, 1939 г. / Foto: Alexander Schmorell, 1939

«Я люблю в России вечные степи и простор, леса и горы, над которыми не властен человек. Люблю русских, все русское, чего никогда не отнять, без чего человек не является таковым... Их сердце и душа, которые невозможно понять умом, а можно только угадать и почувствовать, которые являются их богатством – богатством, которое никогда не удастся у них отнять».

Из письма Александра Шмореля Ангелике Пробст, 2 мая 1941 г.

„Ich liebe an Russland die Steppe und Weite, die ewig bleiben werden, die Wälder und Berge, über die der Mensch nicht Herr ist. Ich liebe die Russen, das Russische, das man den Menschen nie nehmen kann, weil sie ja nur das sind, ohne dem sie nichts wären... Ihr Herz und ihre Seele, die man nie verstandesmäßig erfassen kann, sondern nur erahnen und erfüllen, sind ihr Reichtum, ein Reichtum, der ihnen nie geraubt werden kann.“

Aus dem Brief von Alexander Schmorell an Angelika Probst, 2. Mai 1941

Junі Июнь

Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa		
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30		

Водной из первых листовок, написанной Александром, были слова: «Нет, не о еврейском вопросе хотели мы написать в этом листке, не сочинить речь в защиту евреев – нет, только в качестве примера мы хотели привести тот факт, что с момента завоевания Польши триста тысяч евреев в этой стране были убиты самым зверским способом. В этом мы усматриваем ужасающее преступление над достоинством людей, преступление, которому не было равных во всей истории человечества».

Распространение первых листовок совпало с массовыми бомбардировками немецких городов союзными войсками. Листовки с текстом: «Мы не молчим, мы – ваша нечистая совесть. «Белая роза» не даст вам покоя!» стали появляться не только в Баварии, но доходили уже до Ульма, Штутгарта, Регенсбурга, Зальцбурга и Вены. Друзья трудились в поте лица, но долго держать в тайне от близких свою деятельность им не удалось. Вначале о листовках узнает сестра Ганса Софи – и тут же принимается помогать.

23 июля 1942 друзей неожиданно откомандировывают на Восточный фронт. Александр Шморель, Ганс Шоль и Вили Граф – также будущий участник Сопротивления – попадают во 2-ю студенческую роту.

«Я вновь увижу Россию! Мы будем работать в полевых лазаретах – пока еще неизвестно, как долго. Я думаю, что к зимнему семестру мы все-таки вернемся в Мюнхен».

26 июля 1942 г. друзья оказались в Варшаве. Увиденное потрясло их. «Отовсюду на нас смотрит беда. Мы отводим глаза», — пометил Вили Граф в своем дневнике. «Пребывание в Варшаве делает меня больным, — писал домой Ганс Шоль, — слава Богу, завтра едем дальше! ...На тротуаре лежат умирающие от голода дети и просят хлеба, а с противоположной стороны улицы доносится буйный джаз».

Иn einem der ersten von Alexander verfassten Flugblätter finden wir die Worte: „Nicht über die Judenfrage wollen wir in diesem Blatte schreiben, keine Verteidigungsrede verfassen - nein, nur als Beispiel wollen wir die Tatsache kurz anführen, die Tatsache, dass seit der Eroberung Polens dreihunderttausend Juden in diesem Land auf bestialischste Art ermordet worden sind. Hier sehen wir das fürchterlichste Verbrechen an der Würde des Menschen, ein Verbrechen, dem sich kein ähnliches in der ganzen Menschheitsgeschichte an die Seite stellen kann.“

Die Verteilung der ersten Flugblätter begann zeitgleich mit den großflächigen Bombardements deutscher Städte durch die Streitkräfte der Alliierten. Flugblätter mit dem Text „Wir schweigen nicht, wir sind euer schlechtes Gewissen. Die Weiße Rose wird euch keine Ruhe lassen!“ tauchten nicht nur in Bayern auf, sondern sogar in Ulm, Stuttgart, Regensburg, Salzburg und Wien. Die Freunde arbeiteten im Schweiße ihres Angesichts; doch lange konnten sie ihre Tätigkeit vor ihren Angehörigen nicht geheim halten. Als erste erfuhr von der Erstellung dieser Flugblätter Sofia, die Schwester von Hans – und begann sofort, ihnen dabei zu helfen.

Am 23. Juli 1942 werden die Freunde unerwartet an die Ostfront abkommandiert. Alexander Schmorell, Hans Scholl und Willi Graf – letzterer ein zukünftiger Teilnehmer der Widerstandsgruppe – geraten in die zweite Studentenkompagnie.

„Ich sehe Russland wieder! Wir werden in Feldlazaretten arbeiten; vorerst ist noch nicht klar, wie lange. Ich glaube, dass wir zum Wintersemester trotzdem nach München zurückkehren“.

Am 26. Juli 1942 kamen die Freunde nach Warschau. Was sie dort sahen, erschütterte sie. „Überall Elend. Wir versuchen, wegzuschauen“, schrieb Willi Graf in sein Tagebuch. „Der Aufenthalt in Warschau macht mich krank“ – schrieb Hans Scholl in einem Brief nach Hause. „Zum Glück fahren wir morgen weiter! ... Auf dem Bürgersteig liegen verhungerte Kinder und bitten um Brot, und von der gegenüberliegenden Straßenseite ertönt wilder Jazz.“

Ганс Шоль и Александр Шморель
по дороге в Гжатск

Hans Scholl und Alexander
Schmorell auf der Fahrt nach
Gzhat'sk

Иола Иванова. Портрет Александра Шмореля (2017)
Iola Iwanowa. Porträt von Alexander Schmorell (2017)

«Я исполнил дело своей жизни. И если бы мне сейчас сказали, что из жизни должен уйти кто-то иной, а я буду освобожден, то я бы сам не захотел этого, а выбрал бы эту смерть». Александр Шморель в день казни, 13 июля 1943 г.

„Ich habe das Ziel meines Lebens erfüllt. Und wenn mir jetzt jemand sagen würde, dass jemand anders an meiner Stelle aus dem Leben treten soll, und ich wäre frei, so würde ich es selbst nicht wollen, sondern ich hätte dennoch diesen Tod gewählt.“
Alexander Schmorell am Tag seiner Hinrichtung, 13. Juli 1943

Juli Июль

So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	

30 июля 1942 г. поезд пересек границу России. В первые дни августа друзья уже были в Вязьме. Они попали в 252-ю дивизию и после распределения отправились в Гжатск. Работы для студентов санитарной роты почти не было, и они проводили все время, бродя по окрестностям, заводя знакомства с местным населением.

«Русские – поразительные люди, – отмечал в своем дневнике Ганс Шоль, наблюдая за молящимися в православной церкви, – бородатые мужики, с добрыми лицами женщины, ...то и дело кланяются, осеняя себя андреевским крестным знаменем. Некоторые склоняют голову до земли и целуют пол. ...Сердца всех верующих бьются в такт, почти физически ощущается движение душ... От радости мне хочется плакать... Я хочу любить и смеяться, потому что вижу, как над этими сломанными людьми все еще парит ангел, который намного сильнее, чем силы ничтожества».

«Россия во всех отношениях безгранична, как безгранична и любовь ее народа к Родине, – писал Шоль от лица всех друзей в письме их любимому учителю – профессору Хуберу, который по их возвращению будет принимать активное участие в «Белой розе», и так же, как они, будет схвачен и казнен, – Я вместе с тремя хорошими друзьями, которых Вы знаете, все в той же роте. Особенно я дорожу моим русским другом. Очень стараюсь тоже выучить русский язык».

Вилли Граф пишет из Ржева 29 августа 1942 г. своей подруге: «Один из нас, тоже медик, отлично владеет русским, потому что родился здесь и во время революции вынужден был вместе с родителями покинуть страну. Потом он практически стал немцем. И вот он впервые вновь увидел эту страну, и мне открывается многое, что ранее оставалось неизвестным или, по крайней мере, непонятым. Он часто рассказывает нам о русской литературе, да и с людьми устанавливается совсем другой контакт, чем когда не можешь объяснить. Мы частенько поем с крестьянами или слушаем, как они поют и играют. Так немного забываешь все то печальное, с которым так часто приходится встречаться».

Am 30. Juli 1942 brachte der Zug die Freunde über die russische Grenze. In den ersten Augusttagen waren sie bereits in Wjasma. Die Freunde kamen in die 252. Division. Nach der Aufteilung fuhren sie weiter nach Gshatsk. Die Studenten der Sanitätskompanie hatten fast nichts zu tun, und sie hatten genug Zeit, durch die Umgebung zu wandern und mit den ortsansässigen Menschen Bekanntschaft zu schließen.

„Die Russen sind erstaunliche Menschen“, - schrieb Hans Scholl in seinem Tagebuch über die in orthodoxen Kirchen Betenden, - „bärtige Männer, Frauen mit gutmütigen Gesichtern... verbeugen sich immer wieder, indem sie mit großartiger Gebärde das Andreas-Kreuz schlagen. Manche neigen ihr Haupt tief zur Erde und küssen den Boden. ... Die Herzen aller Gläubigen schwingen mit, man spürt die Bewegung der Seelen... Ich möchte weinen vor Freude... Ich möchte lieben und lachen, denn ich sehe, dass über diesen gebrochenen Menschen immer noch ein Engel schwebt, der stärker ist, als die Mächte des Nichts.“

„Russland ist in jeder Beziehung so ungeheuer groß, so ohne jede Grenze, und grenzenlos ist die Heimatliebe seiner Bewohner“- schrieb Scholl im Namen aller an ihren verehrten Lehrer Professor Huber, der nach ihrer Rückkehr in der Weißen Rose aktiv mitwirkte und später dann verhaftet und hingerichtet wird. „Ich bin mit drei guten Freunden, die Sie kennen, bei derselben Kompanie. Besonders wertvoll ist mir mein russischer Freund. Auch ich bemühe mich sehr, die russische Sprache zu lernen“.

Willi Graf schrieb am 29. August 1942 aus Rshewsk an seine Freundin: „Es ist gut, dass ich mit guten Bekannten aus München hier zusammen bleiben konnte... Einer von uns, ebenfalls ein Mediziner, spricht ein ausgezeichnetes Russisch, da er in diesem Lande geboren und erst zur Zeit der Revolution mit seinen Eltern das Land verlassen musste und dann fast ein Deutscher wurde. Nun sieht er zum ersten Male wieder dieses Land, und auch mir eröffnet sich vieles, was vorher unbekannt oder zumindest unverständlich blieb. Oft erzählt er uns von der russischen Literatur und auch zu den Menschen hier findet man einen ganz anderen Weg, als wenn man sich nicht verständigen könnte. Oft schon haben wir bei den Bauern gesungen und ließen uns die wundervollen alten Lieder spielen und singen. Man vergisst dann ein klein wenig das Traurige all der Dinge, die man zu oft sehen muss.“

Фото: Александр Шморель, 1939 г. / Foto: Alexander Schmorell, 1939

«Если сравнить современное русское население с современным немецким или французским, то можно прийти к поразительному выводу: насколько оно моложе, свежее и приятнее!»

Александр Шморель, из письма родителям

„Wenn man die heutige russische Bevölkerung mit der heutigen deutschen oder auch französischen Bevölkerung vergleicht, so kommt man zu den erstaunlichsten Ergebnissen: um so viel ist sie jünger/frischer und angenehmer.“

Alexander Schmorell, aus dem Brief an die Eltern

August Август

Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	

Александр писал домой по-русски. Его письма, как и письма его друзей, были переполнены любовью к России: «За двадцать лет большевизма русский народ не разучился петь и танцевать, и повсюду, куда не пойдешь, слышны русские песни. Несмотря на бедность, народ тут чрезвычайно гостеприимный. Как только приходишь в гости, самовар и все, что найдется в доме, сразу же ставится на стол. Я часто захожу к священнику, еще довольно бодрому старику. Кроме добра я здесь ничего не видел и не слышал».

30 октября 1942 года был их последний день в России. На оставшиеся деньги они купили себе на память самовар. Александр вез домой в Германию еще и балалайку, на которой он играл и пел русские песни весь обратный путь.

Возвратившись в Мюнхен, друзья решили вести ожесточенную борьбу с гитлеровским режимом. Время, проведенное в России, сплотило студентов, и в дело по распространению листовок был введен Вилли Граф. Хотя друзья продолжали посещать занятия в университете, их мысли и дела были полностью отданы подпольной деятельности. Они добывали через знакомых деньги, необходимые на приобретение бумаги, налаживали связи с единомышленниками в других городах Германии.

Наступил 1943 год. 13 января Вилли Граф записывает в своем дневнике: «Мы начинаем действовать. Лед тронулся!» Готовится пятая листовка: «Воззвание ко всем немцам!» Друзья решаются показать ее проекту профессору Хуберу. Тот отклоняет вариант Александра, назвав его «прокоммунистическим», и одобряет вариант Ганса Шоля. Первая партия листовок развозится по городам и раскладывается там по почтовым ящикам. Затем листовки рассылаются письмами по различным адресам. Когда марки кончаются, друзья раскладывают листовки по парадным и дворам, телефонным будкам и магазинам. Вскоре о листовках узнает полиция: многие получатели — на всякий случай — сами спешат их туда сдать. Полиция передает дело в гестапо. Начинается следствие.

Alexander schrieb seine Briefe nach Hause in Russisch. Diese Briefe waren, gleich den Briefen seiner Freunde, erfüllt von Liebe zu Russland: „Das russische Volk hat in diesen 20 Jahren Bolschewismus nicht verlernt zu singen und zu tanzen, und überall, wohin du kommst, kannst du russische Lieder hören. Gesungen werden alte wie neue Lieder. Gespielt wird auf Balalaikas und Gitarren, und dabei so schön. Ungeachtet seiner Armut ist das Volk hier schrecklich gastfreundlich. Der Samowar und alles, was man überhaupt hat, wird auf den Tisch gestellt, wann immer man zu Besuch kommt. Oft bin ich beim Pfarrer, einem noch recht lebhaften Greis. Außer Gutes hab ich hier nichts gesehen noch gehört.“

Der 30. Oktober war ihr letzter Tag in Russland. Für das Geld, das sie übrig hatten, kauften sie sich zur Erinnerung einen Samowar. Alexander nahm auch noch eine Balalaika mit nach Deutschland, auf der er auf dem Rückweg spielte und sich zu russischen Liedern begleitete.

Nach der Rückkehr entschlossen sich die Freunde zu ernsthaftem Widerstand gegen das Hitler-Regime. Die in Russland verbrachte Zeit hatte die Studenten in enger Freundschaft zusammengebracht, und Willi Graf beteiligte sich nun auch an der Arbeit mit den Flugblättern. Obwohl die Freunde weiterhin die Seminare an der Universität besuchten, galten ihre Gedanken und Taten zur Hauptsache ihrer Untergrundtätigkeit. Über Bekannte besorgten sie sich Geld für das benötigte Papier und stellten Kontakte mit Gleichgesinnten aus anderen deutschen Städten her.

Das Jahr 1943 brach an. Am 13. Januar schrieb Willi Graf in sein Tagebuch: „Wir beginnen wirklich mit der Arbeit, der Stein kommt ins Rollen.“ Das fünfte Flugblatt wird vorbereitet: „Aufruf an alle Deutsche!“

Die Freunde beschließen, ihr Projekt Professor Huber zu zeigen. Dieser lehnt die Version von Alexander ab, bezeichnet sie als „prokommunistisch“, und gibt dem Entwurf von Hans Scholl den Vorzug.

Die erste Partie Flugblätter wird in verschiedene Städte gebracht und in Briefkästen verteilt. Anschließend werden Flugblätter per Post als Briefe an einzelne Adressen geschickt. Als die Briefmarken zu Ende gehen, verteilen die Freunde die Flugblätter vor Haustüren, in Höfen, in Telefonzellen und Geschäften. Bald erfährt die Polizei von den Flugblättern; viele Empfänger, um ja nur selbst keinen Ärger zu bekommen, liefern sie eilends dort ab. Die Polizei übergibt die Sache an die Gestapo, und es beginnt die Fahndung.

Фото: Александр Шморель на лекции, 1941 г. / Foto: Alexander Schmorell während der Vorlesung, 1941

«Вы можете себе представить, как больно мне было, когда началась война с Россией – моей Родиной. Конечно, там царит большевизм, но, тем не менее, она остается моей Родиной, русские остаются моими братьями.»

Из «Политического заявления» Александра Шмореля
(показания в гестапо, 8 марта 1943 г.)

„Sie können sich vorstellen, dass es mich besonders schmerzlich berührte, als der Krieg gegen Russland, meine Heimat begann. Natürlich herrscht drüben der Bolschewismus, aber es bleibt trotzdem meine Heimat, die Russen bleiben doch meine Brüder.“

Aus dem „Politischen Bekenntnis“ von Alexander Schmorell
(Gestapo-Verhör, 8. März 1943)

September Сентябрь

Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So		
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30		

Третьего февраля по радио официально объявляют о поражении 6-й армии генерала Паулюса под Сталинградом. В стране объявляется четырехдневный траур. В ночь на четвертое февраля Александр и Ганс, вооружившись краской и кисточками, идут в центр города. Александр пишет на стенах домов «Долой Гитлера!», Ганс следит, чтобы их никто не увидел. Когда начинает светать, друзья поворачивают домой, но, проходя мимо университета, не могут удержаться, чтобы не написать у главного входа слово «Свобода!»

Наутро весь город говорит об этих надписях. Власти начинают расследование и обнаруживают, что за всем этим скрывается организация «Белая роза». Полиция обращается через газеты к населению за помощью, назначает вознаграждение.

Тем временем друзья работали над своей шестой листовкой, автором которой стал профессор Курт Хубер. Вначале были использованы все имеющиеся в запасе конверты и марки, потом письма складывались на манер «полевой почты» и пачками оставлялись в парадных домов. Несмотря на откровенную дерзость этих операций, полиции никак не удавалось выйти на их след. Опыленные от успеха, забыв об осторожности и опасности, студенты стали раскладывать листовки по аудиториям в университете.

18 февраля родителям Шoley сообщили, что полиция вышла на след Софи, помогавшей друзьям распространять листовки. Родителям, которые жили в Ульме, удалось предупредить детей. Ганс и Софи поспешили вынести из дома чемодан, набитый последними сотнями листовок. Не придумав ничего лучшего, Ганс и Софи Шоль решили распространить оставшиеся листовки в главном здании университета. Они торопились опустошить чемодан до окончания лекции. Последнюю пачку Софи сбросила с верхнего этажа в пустой холл. Это заметил комендант здания Шмид. Он тут же бросился наверх, чтобы схватить нарушителей. Навстречу ему с пустым чемоданом спускались брат и сестра Шоль. Ни отпираться, ни убежать они не стали, приехавшая полиция увезла их в гестапо.

Am 3. Februar gibt man im Rundfunk offiziell die Niederlage der 6. Armee von General Paulus vor Stalingrad bekannt. Im Land wird eine viertätige Trauer angeordnet. In der Nacht auf den vierten Februar begeben sich Alexander und Hans mit Farbe und Pinseln ins Stadtzentrum. Alexander schreibt auf die Hauswände: „Nieder mit Hitler!“ und Hans passt auf, dass niemand sie sieht. Als es hell wird, gehen die Freunde nach Hause; doch als sie an der Universität vorbeikommen, können sie sich nicht enthalten, neben den Haupteingang das Wort „Freiheit“ zu schreiben.

Am Morgen spricht die ganze Stadt von diesen Aufschriften. Die Staatsmacht beginnt mit der Untersuchung und stellt fest, dass hinter all dem die Organisation „Weiße Rose“ steckt. Über die Presse wendet sich die Polizei an die Bevölkerung, verspricht eine Belohnung.

Unterdessen arbeiten die Freunde an ihrem sechsten Flugblatt, dessen Text von Professor Kurt Huber verfasst war. Erst werden alle zur Verfügung stehenden Umschläge und Briefmarken verwendet; im Weiteren werden die Briefe in der Art von Feldpost zusammengelegt und bündelweise in Hauseingängen verteilt. Trotz der unverfrorenen Verwegenheit ihrer Operationen gelingt es der Polizei nicht, ihnen auf die Spur zu kommen. Trunken von ihrem Erfolg vergessen die Studenten jegliche Gefahr und Vorsicht und beginnen, die Flugblätter in den Hörsälen der Universität auszulegen.

Am 18. Februar wird den Eltern der Geschwister Scholl mitgeteilt, dass die Polizei Sophie, welche ihren Freunden bei der Flugblätterverteilung geholfen hatte, auf die Spur gekommen ist. Den in Ulm lebenden Eltern gelingt es, ihre Kinder zu warnen. Hans und Sophie beeilen sich, einen mit den restlichen Flugblättern vollgestopften Koffer außer Haus zu bringen. Dabei fällt Hans und Sophie nichts Besseres ein, als den Rest der Blätter im Universitäts-Hauptgebäude zu verteilen. Sie beeilen sich, um den Koffer vor Schluss der Vorlesung zu leeren. Das letzte Bündel wirft Sofie vom obersten Stock in die leere Halle. Eines davon segelt vor der Nase des Hausmeisters Schmied herunter. Der stürzt sofort nach oben, um die Gesetzesbrecher zu fassen. Ihm entgegen kommen mit einem leeren Koffer Bruder und Schwester Scholl. Weder wehren sie sich, noch versuchen sie zu flüchten, und die herbeigerufene Polizei bringt sie zur Gestapo.

Береза под Гжатском (сегодня г. Гагарин) / Birke nahe Gshatsk (heute Gagarin)

«По ночам мне снится вы и Россия, потому что моя душа, мое сердце, мои мысли – все осталось на Родине».

Из письма Александра Шмореля в Гжатск, ноябрь 1942 г.

„Nachts träume ich von Euch und von Russland – denn mein Herz, meine Seele, meine Gedanken – alles ist in meiner Heimat zurückgeblieben.“

Aus dem Brief von Alexander Schmorell nach Gshatsk, November 1942

Oktober Октябрь

Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	

Через несколько часов после ареста Шолей, полиция уже знала имена всех главных участников «Белой розы». На следующий день был задержан Кристоф Пробст, жена которого только накануне родила третьего ребенка. Еще через три дня, 22 февраля, состоялся суд, продолжавшийся не более двух часов. Приговор – смертная казнь, был приведен в тот же день в исполнение. Гансу исполнилось 24, Софи 21, Кристофу 23 года.

Александр, узнавший по пути на лекцию о случившемся, принимает решение срочно покинуть Мюнхен. Он идет к своему приятелю из русского окружения Николаю Николаеву-Гамасаспяну (1921–2013), сыну петербургских армян, покинувших Россию во время Гражданской войны. Коля, как его звали друзья, был рожден на русском корабле, который одним из последних отправлялся от берегов Крыма в Турцию. Оттуда семья перебралась в Болгарию. В болгарском паспорте Николая стояло место рождения: Россия.

Именно за этим паспортом Александр и пришел к другу. Тот, не раздумывая, отдал ему свой паспорт, за что впоследствии поплатился допросами в гестапо и несколькими месяцами тюрьмы. Но так как друзья договорились, что Александр якобы тайком взял у Николая лежащий без присмотра паспорт, доказать, что Гамасаспян являлся сообщником Шмореля, не удалось.

Заменив в паспорте фотографию Гамасаспяна на свою, Шморель отправляется в находящееся недалеко от швейцарской границы курортное местечко Эльмау. Там его останавливает полиция, но, проверив документы, отпускает. Что еще произошло в Эльмау, в котором он не один раз отдыхал с родителями, неизвестно. То ли Александр почувствовал, что его узнали, и ему было необходимо скрыться, то ли февральские морозы нарушили его план перейти ночью границу через Альпы.

Во всяком случае, Шморель совершает поступок, который навсегда останется загадкой: он возвращается в Мюнхен.

Schon wenige Stunden nach der Verhaftung der Geschwister Scholl kannte die Polizei die Namen aller Hauptbeteiligten der Weißen Rose. Am folgenden Tag wurde Christoph Probst verhaftet, dessen Frau Tags zuvor ihr drittes Kind zur Welt gebracht hatte. Nach weiteren drei Tagen, am 22. Februar, war die Gerichtsverhandlung, welche nicht länger als zwei Stunden dauerte. Sie wurden alle zum Tode verurteilt, und die Todesstrafe wurde noch am gleichen Tag vollstreckt. Hans war 24 Jahre alt, Sophie 21, und Christoph 23.

Alexander erfährt von diesem Vorkommnis auf dem Weg zu einer Vorlesung, und er beschließt, München sofort zu verlassen. Er begibt sich zu einem Freund aus dem russischen Umfeld, Nikolai Nikolaeff-Hamazaspian (1921-2013), dem Sohn in Petersburg lebender Armenier, die während des Bürgerkriegs Russland verlassen hatten. Kolja, wie seine Freunde ihn nannten, wurde auf einem russischen Schiff geboren, welches als eines der letzten von der Krim Richtung Türkei aufgebrochen war. Aus der Türkei zog die Familie dann nach Bulgarien. In dem bulgarischen Pass von Nikolai war als Geburtsort Russland angegeben. Eben wegen dieses Passes besuchte Alexander seinen Freund. Dieser überließ ihm, ohne viel nachzudenken, einen Pass; was ihm im Weiteren dann Verhöre bei der Gestapo und mehrere Monate Gefängnis einbrachte. Doch da die Freunde sich abgesprochen hatten, dass man im Falle eines Falles behaupten wird, Alexander habe Nikolais Pass unbemerkt und ohne dessen Wissen an sich genommen, gelang es nicht, nachzuweisen, dass Hamazaspian mit Alexander gemeinsame Sache machte.

Im Pass ersetzt Alexander das Foto von Nikolai durch sein eigenes und fährt in den Kurort Elmau, der in der Nähe der Schweizer Grenze liegt. Dort wird er von der Polizei angehalten, aber nach Kontrolle seiner Papiere lässt man ihn laufen. Was dann weiter noch in jenem Elmau, in dem er früher gelegentlich mit seinen Eltern Ferien gemacht hatte, passierte, weiß man nicht. Vielleicht merkte er, dass man ihn erkannt hatte und dass er sich verstecken muss; oder der Februarfrost hinderte ihn daran, nachts über die Alpen die Schweizer Grenze zu passieren? Man weiß es nicht.

Wie dem auch sei: Alexander Schmorell tut etwas, was für alle Zeiten ein Rätsel bleibt: Er kehrt zurück nach München.

Самовар из Оренбурга из дома семьи Шморель / Orenburger Samowar aus dem Schmorell-Haus

*«Здесь я также целиком и полностью живу в русском окружении:
самовар и русский чай, балалайка, русские книги и иконы...»*

Из письма Александра Шмореля в Гжатск, ноябрь 1942 г.

*«Auch hier lebe ich ganz in russischer Umgebung: Samowar und
russischer Tee, Balalaika, russische Bücher und Ikonen...»*

Aus dem Brief von Alexander Schmorell nach Gshatsk, November 1942

November Ноябрь

Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr		
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30		

К этому времени в Мюнхене, который тогда по желанию Гитлера назывался «Столица движения», выходит газета с фотографией Александра под рубрикой «Разыскивается преступник». За его голову назначают 1000 рейхсмарок вознаграждения. Недалеко от университета его застает воздушная тревога. Он вынужден спуститься в ближайшее бомбоубежище. Но подруга, к которой он явился за помощью, выдала его. После войны она написала отцу Александра письмо с просьбой о прощении, объяснив свой поступок тем, что была беременна и опасалась, в случае провала, допросов в гестапо.

Суд над Александром Шморелем состоялся 19 апреля. На вопрос председателя суда Роланда Фрейслера, стрелял ли он в русских, будучи на восточном фронте, Александр ответил, что он не стрелял в русских, как и не стрелял бы в немцев. Поздно вечером был оглашен приговор – смертная казнь.

2 июля 1943 г. в своем последнем письме, адресованном сестре Наташе, Александр пишет: «Все это ужасное „несчастье“ было необходимо, чтобы направить меня на истинный путь, и потому это, собственно, совсем не „несчастье“. Прежде всего, я счастлив и благодарю Господа за то, что он дал мне понять это знамение Божие и последовать в верном направлении. Что я знал прежде о вере, о настоящей искренней вере, об истине, о Боге? – Так мало!.. Все это несчастье было необходимо, чтобы открыть мне глаза. Нет, не только мне, всем нам, всем тем, кого коснулась чаша сия, в том числе и нашей семье. Надеюсь, вы тоже правильно поняли этот божественный знак».

За восемь недель до его 25-летия, 13 июля 1943 года, приговор – казнь на гильотине – был приведен в исполнение. Александр Шморель закончил свою земную жизнь.

В этот же день был казнен и профессор университета Курт Хубер. Вилли Граф будет казнен 12 октября.

Иn München, das damals nach persönlichem Wunsch von Hitler den Namen „Hauptstadt der Bewegung“ trug, war in der Zeitung in der Rubrik „Gesuchter Verbrecher“ bereits Schmorells Foto erschienen, und auf seinen Kopf war eine Belohnung von 1000 Reichsmark ausgesetzt. In der Nähe der Universität wird er durch Fliegeralarm überrascht, und er muss den nächstgelegenen Luftschutzbunker aufsuchen. Laut einer Version wird er dort von einer Studentin erkannt; laut einer anderen verrät ihn eine Freundin, bei der er Hilfe sucht. Nach dem Krieg schrieb diese einen Brief an Alexanders Vater, in dem sie um Verzeihung bat; wobei sie ihr Verhalten damit entschuldigte, dass sie schwanger war und für den Fall eines Auffliegens Verhöre bei der Gestapo befürchtete.

Am 19. April saß man über Alexander Schmorell zu Gericht. Auf die Frage des Gerichtsvorsitzenden Roland Freisler, ob er an der Ostfront auf Russen geschossen hat, antwortete er, dass er nicht auf Russen geschossen hat, genauso wenig wie er auf Deutsche geschossen hätte. Spätabends wurde das Urteil verkündet: Todesstrafe.

Am 2. Juli, in seinem letzten Brief an seine Schwester Natascha, schreibt Alexander: „Dieses ganze harte ‚Unglück‘ war notwendig, um mich auf den wahren Weg zu bringen – deshalb war es eigentlich gar kein Unglück. Vor allem bin ich froh und danke Gott dafür, dass es mir gegeben war, diesen Fingerzeig Gottes zu verstehen und dadurch auf den rechten Weg zu gelangen. Denn was wusste ich bisher vom Glauben, vom wahren tiefen Glauben, von der Wahrheit, der letzten und einzigen, von Gott? Sehr wenig! – Jetzt aber bin ich soweit, dass ich auch in meiner jetzigen Lage, froh und ruhig, zuversichtlich bin – mag kommen, was da wolle. Ich hoffe, dass auch Ihr eine ähnliche Entwicklung durchgemacht habt und dass Ihr mit mir zusammen nach den tiefen Schmerzen der Trennung auf dem Standpunkt angelangt seid, wo Ihr für alles Gott dankt.“

Acht Wochen vor seinem 25. Geburtstag, am 13. Juli 1943, wurde das Todesurteil – Hinrichtung durch die Guillotine – vollstreckt. Alexander brachte sein irdisches Leben zum Abschluss. Am gleichen Tag wurde auch Professor Kurt Huber hingerichtet. Willi Graf richtete man am 12. Oktober hin.

Икона св. муч. Александра в Соборе новомучеников и исповедников Российских в Мюнхене
Ikone des Hl. Märtyrers Alexander von München in der Kathedrale der Hll. Neomärtyrer in München

*«Разве вера – не высшее благо?.. Не это ли самое ценное?
Не опустятся ли за это все остальные прегрешения?..»*

Из письма Александра Шмореля Ангелике Пробст, 20.04.1941 г.

*„Ist denn das Glauben nicht das Wichtigste? ... Ist das nicht das Kostbarste?
Müssen da nicht sämtliche anderen Fehler verziehen werden?“*

Aus dem Brief von Alexander Schmorell an Angelika Probst, 20.04.1941

Dezember Декабрь

Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So
I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	Di	Mi	Do	Fr	Sa	So	Mo	
17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	

В своем прощальном письме родителям Александр писал: «Об одном прошу вас: не забывайте Бога!».

На другой день тело казненного выдали семье, которая похоронила его по православному обряду на кладбище Ам Перлахер Форст. Несколько лет спустя здесь же рядом обрела покой его верная нянюшка.

Спустя 69 лет после казни, 4 февраля 2012 г., Русская Православная Церковь прославила Александра Шмореля как святого. Для верующих он не просто один из создателей студенческой группы Сопротивления нацистскому режиму «Белая роза», а Святой Александр Мюнхенский.

Иn seinem Abschiedsbrief schrieb Alexander an seine Eltern: „Eins vor allem lege ich Euch ans Herz: Vergesst Gott nicht!!! Euer Schurik.“

Am folgenden Tag wurde der Körper des Hingerichteten an dessen Familie übergeben, und sie beerdigten ihn nach russisch-orthodoxem Ritus auf dem Friedhof am Perlacher Forst. Ein paar Jahre später fand auch die treue Amme dort zu Füßen ihres einstigen Zöglings ihr Grab.

69 Jahre nach seiner Hinrichtung, am 4. Februar 2012, wurde Alexander Schmorell von der russisch-orthodoxen Kirche heiliggesprochen. Für die Gläubigen ist er nicht bloß einer der Begründer der Widerstandsgruppe Weiße Rose, sondern der Heilige Alexander von München.

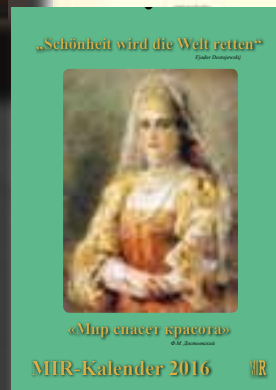
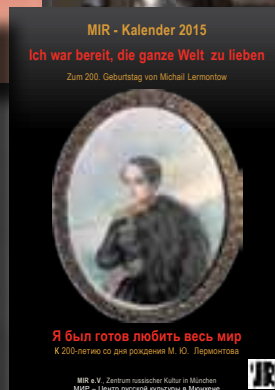
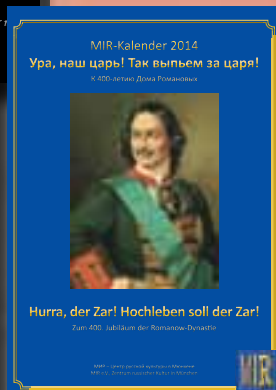
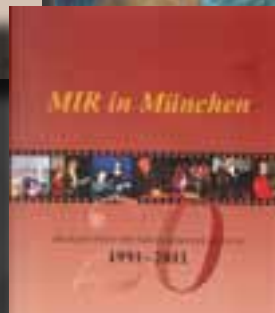
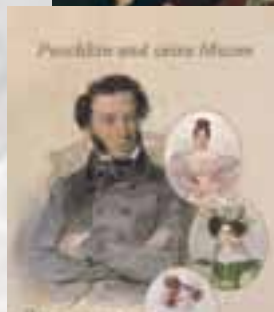
Из выступления Николая Даниловича Гамасаспьяна перед студентами в Оренбурге в 2007 г. Aus der Rede von Nikolai Hamazaspian vor den Studenten in Orenburg, 2007

«**А**лександр, мне легче называть его Шурик, меньше всего думал о «героизме». Он учился, формировался, как обычный молодой человек нашего поколения. Мы вместе читали, слушали музыку, обсуждали волновавшие нас темы, мы пили пиво, дурачились, влюблялись, как все молодые люди. Он до боли любил свою Родину, Россию. Но он был и немец и, конечно, любил Германию. Ему было невыносимо видеть, как погибают на полях сражений русские и немцы. Со свойственной юношеску горячностью он защищал свои убеждения. Еще раз вам повторяю: он не считал себя героем. В его понимании героями были те, кто отдавал свою жизнь на фронтах. Шурик в своем отношении к войне выражал взгляд прогрессивной части немецкого студенчества. Тексты его листовок были близки и понятны многим. Вот почему знавшие его близко люди поддерживали его и оказывали свою посильную помощь. Они не были заговорщиками. Не было никакой организации и конспирации. Всего шесть листовок! «Типографией», где печатались листовки, была его комната. Шурик боролся за СВОБОДУ и ЧЕСТЬ своего народа. Этому он отдал жизнь».

„**А**lexander, mir fällt es leichter, ihn Schurik zu nennen, dachte überhaupt nicht an irgendein Heldentum. Er studierte und entwickelte sich wie ein gewöhnlicher junger Mann unserer Generation. Wir lasen zusammen, hörten Musik, erörterten die Themen, die uns bewegten, wir tranken Bier, machten Unsinn, verliebten uns wie alle jungen Leute. Er liebte Russland, seine Heimat. Aber er war zugleich ein Deutscher und liebte Deutschland. Er fand es unerträglich zuzusehen, wie auf den Schlachtfeldern Deutsche und Russen umkamen. Mit jugendlicher Leidenschaftlichkeit trat er für seine Überzeugungen ein. Ich sage es euch noch einmal. Er hielt sich nicht für einen Helden. Nach seiner Auffassung waren diejenigen Helden, die an den Fronten ihr Leben ließen. Alex zeigte eine Einstellung zum Krieg wie der fortschrittliche Teil der deutschen Studentenschaft. Die Texte seiner Flugblätter waren vielen verständlich und sprachen ihnen aus der Seele. Darum unterstützten ihn die Menschen, die ihn kannten, und halfen ihm nach Kräften. Die Studenten der Weißen Rose waren keine Verschwörer. Es gab keine Organisation und keine Konspiration. Es gab nur sechs Flugblätter! Als „Druckerei“, wo die Flugblätter gedruckt wurden, diente sein Zimmer. Schurik kämpfte für die FREIHEIT und EHRE seines Volkes. Dafür opferte er sein Leben.“ (Aus dem Buch „Das russische München“, Hrsg. MIR e.V.)

(Из книги «Русский Мюнхен».
Из-во: MIR e.V.)

Publikationen

MIR e.V. stellt sich vor:

MIR – das Zentrum russischer Kultur in München – ist ein gemeinnütziger Verein, der im September 1991 von der Schauspielerin und Journalistin Tatjana Lukina (heute künstlerische Leiterin und Präsidentin von MIR e.V.), als Brücke zwischen der russischen und deutschen Kultur gegründet wurde. Zu seinen Hauptaufgaben gehört die Pflege der gemeinsamen kulturellen Wurzeln und der jahrhundertlangen traditionellen Kulturbeziehungen.

Der Verein, der zum Großteil aus gebürtigen Bayern besteht, hat etwa 200 Mitglieder. Neben den Kulturveranstaltungen (Konzerte, Lesungen, Vorträge, Ausstellungen, Kulturfestivals) ist MIR auch als Verleger tätig. Jahr für Jahr gibt der Verein einen zweisprachigen illustrierten Kalender heraus, der den Leser in die Welt der russischen Literatur, Kunst und Geschichte einführt.

Bei MIR kann man auch die russische Sprache (Leitung: Swetlana Woldt), russische Lieder (Leiter Anatolij Fokin) und Ballett (Leitung: Irina Mikhnovitch) lernen. Samstags ist die MIR-Kinder-Akademie tätig (Leitung: Elena Herzog), wo die Kleinen in russischer Sprache über Malen bis Musik (Svetlana Bassovitch), Theater, Literatur und Geschichte unterrichtet werden.

In all den Jahren setzt sich MIR e.V. unermüdlich für die Erhaltung des Andenkens an die herausragenden Russen ein, die einst in Bayern gelebt haben.

Einer der ersten Erfolge war die Anbringung der Gedenktafel für den Dichter und Diplomaten Fjodor Tjutschew in der Herzogspitalstraße im Jahre 1999. Mit dem Namen „Marianne-von-Werefkin-Weg“ ehrte die Stadt München 2002 die russische Malerin. Am Haus Ainmillerstraße 30, in dem Fedor Stepun einst wohnte, erinnert seit 2004 eine Gedenktafel an den russischen Schriftsteller und Philosophen.

Das größte Ereignis war jedoch 2003 die Errichtung des großartigen Tjutschew-Denkmal im Herzen der bayerischen Landeshauptstadt, im Finanzgarten, der seitdem den Namen „Dichtergarten“ trägt.

Die Tätigkeit von MIR e.V. wird institutionell vom Kulturreferat der Landeshauptstadt München gefördert, sowie projektbezogen von der Bayerischen Regierung, dem Bezirk Oberbayern und dem Auswärtigen Amt der Bundesrepublik Deutschland.

In den letzten Jahren wird MIR e.V. projektbezogen auch von der Regierung der Stadt Moskau, der Russischen Botschaft in Berlin und dem russischen Kulturfond „Russkij mir“ unterstützt.

Немного о МИРе

Общество «МИР – Центр русской культуры в Мюнхене» было создано в сентябре 1991 г. актрисой и журналисткой Татьяной Лукиной (сегодня художественный руководитель и президент общества), как символический мост между немецкой и русской культурами.

Основными задачами общества являются возрождение и развитие культурных отношений между Россией и Германией. В настоящее время общество насчитывает около 200-х человек, большую часть которых составляют коренные баварцы.

Наряду с организацией концертов, литературных вечеров, выставок, научных конференций и т.д., МИР занимается издательской деятельностью, выпуская ежегодно иллюстрированные двуязычные календари-монографии, знакомящие немецкого читателя с русской литературой и историей.

Кроме того, при МИРе существуют курсы русского языка (руководитель Светлана Вольдт), мужской хор (руководитель Анатолий Фокин) и балетная школа (руководитель Ирина Михнович).

Для самых маленьких при обществе МИР с 1997 года действует Детская академия искусств (руководитель Елена Герцог), в которой на русском языке даются уроки рисования, музыки (Светлана Басович), литературы, танца и театрального искусства.

На протяжении всех лет члены общества МИР ведут неустанную работу по увековечиванию памяти великих Россиян, проживавших в Баварии. Благодаря и нашим усилиям в Мюнхене установлены: памятная доска Ф. И. Тютчеву на Герцогшпитальштрассе (1999); присвоено имя художницы Марианны Верёвкиной одному из переулков в центре города – «Марианна-фон-Веревкин-вег» (2002); памятник Ф. И. Тютчеву (2003) в «Дихтерgarten» – Сад поэтов; памятная доска на доме, где жил философ Фёдор Степун – Айнмиллерштрассе 30 (2004).

Деятельность общества МИР поддерживается Правительством Баварии и властями г. Мюнхена, Министерством иностранных дел ФРГ, а также, в последние годы - Правительством Москвы, Посольством Российской Федерации в Берлине и российским культурным фондом «Русский мир».